

На правах рукописи

Шихардин Николай Владимирович

**ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ВО ФРАНЦУЗСКОМ
НЕОМАРКСИЗМЕ: ПОЛЕМИКА 1950-70-Х ГОДОВ**

09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Екатеринбург – 2009

Работа выполнена на кафедре истории философии ГОУ ВПО «Уральский
государственный университет им. А.М. Горького».

Научный консультант - доктор философских наук, профессор
Любутин Константин Николаевич.

Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор
Гобозов Иван Аршакович;

доктор философских наук, профессор
Шитиков Михаил Михайлович;

доктор философских наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич.

Ведущая организация - Институт философии и права УрО РАН.

Защита диссертации состоится “ ” 2009 г. в ____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.286.02. по защите докторских и кандидатских
диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им.
А.М. Горького» по адресу: 620000, Екатеринбург, проспект Ленина, 51, комн.
248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2009 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор _____ В.В. Ким

Общая характеристика исследования

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, статусом гуманизма и антигуманизма как фундаментальных культурных оппозиций, имеющих мировоззренческий и практический характер. Освещение проблемы гуманизма в отечественной философии на рубеже XX-XXI веков, к сожалению, не занимает того места, которое она заслуживает. Гуманизм и его альтернативы, главным образом, исследуются в аксиологическом аспекте, не поднимаясь до уровня онтологического, методологического, социально-философского и историко-философского анализа. Недостаточно изученными остаются виды современного гуманизма, возможности их взаимодействия.

Во-вторых, актуальность темы определяется зависимостью будущего гуманистической традиции философии от её способности противостоять захлестнувшему общество технократическим тенденциям. Антитезу рационализм / эмпиризм в XX веке сменило противостояние сциентизма и антисциентизма, частными случаями которого являются формально-структурологическое и экзистенциально-гуманистическое направления философской мысли.

В-третьих, постепенным возвращением к объективной оценке марксизма, и в связи с этим к различению валюативной и рефлексивной составляющих в учении Маркса. В 60-е годы целое поколение советских и европейских философов уже решало для себя эту задачу, и сегодня их интеллектуальный поиск вновь обретает актуальность.

В-четвертых, сохранением научной и практической значимости отдельных аспектов рассматриваемых философских концепций: анализа повседневности у Анри Лефевра, его философии градостроительства; места и роли идеологических аппаратов государства в манипулировании поведением людей в философии Луи Альтюссера; концепции и практики диалога философских школ, религий, культур, развиваемых Роже Гароди; диагноза, который ставит индустриальному обществу Люсьен Гольдман.

В-пятых, нравственным уроком могут служить интеллектуальные биографии Гароди, Лефевра, Альтюссера. Крутые повороты случались и будут случаться в истории стран и народов, и то, как на них реагирует философская наука, те, кто связывает с ней свою теоретическую деятельность, а иногда и судьбу, представляет безусловный научный и нравственный интерес.

Объект исследования – французский неомарксизм 50-х – 70-х годов прошлого века. Основные его представители были организационно связаны с ФКП, но их политическая активность иссякла раньше, чем теоретическая. Все они обращались к домарксистской философии для обоснования и дополнения философии Маркса, проблема положения человека в индустриальном обществе была для них центральной. В советской философской науке понятие «неомарксизм» имело скорее отрицательную коннотацию.

Предметом исследования является проблематика личности и гуманизма во французском неомарксизме. Сложившиеся в нём два подхода к пониманию и оценке марксистского гуманизма продолжают существовать поныне, став элементами наиболее значимых парадигм социально-философского знания и политической практики. Историческое развитие данной проблематики определило внутреннюю логику исследования.

Проблема, которая организует исследование как открытое, незавершенное целое, предоставляя возможность взаимодействовать различным точкам зрения, определяет поиск ответов на ряд вопросов: что преобладает в неомарксизме – ревизионизм или преемственность; каким образом разрыв оборачивается преемственностью, а преемственность ведет к ревизионизму; представляет ли неомарксизм развитие и модификацию марксистской теории или свидетельствует об отказе от неё. Нас интересует в первую очередь не только то, чем неомарксизм отличается от классического марксизма, но и что его связывает с ним, насколько он ему обязан.

Проблема, поставленная в исследовании, определила рабочую гипотезу: способ выхода за пределы марксизма является определяющим для принадлежности концепции того или иного мыслителя в дальнейшем к гуманистической парадигме. Её обоснование организует содержание работы.

Степень разработанности различных аспектов темы исследования неоднозначна.

В 60-е годы в связи с публикацией на русском языке ранних произведений Маркса, дискуссией о возможности «социализма с человеческим лицом» гуманистическая проблематика входит в процедуру рассмотрения становления мировоззрения Маркса. Это были работы таких отечественных и зарубежных философов как: Бережной Н.М., Гароди Р., Кешелава В.В., Ковалек С.М., Курелла Л., Нарский И.С., Нодиа Г.Н., Петросян М.И., Сэв Л., Фаркаш Л., Фритцханд М. Работы эти несли печать времени: позитивно оценивался лишь марксистский гуманизм. В последнее десятилетие подход становится более плюралистичным. Философско-антропологическая аналитика гуманизма представлена в исследованиях Борзенко И.М., Бородавкина С.В., Волкова Ю.Г., Гивишвили Г.В., Гуревича П.С., Жукоцкого В.Д., Иванова В., Кувакина В.А., Кудишевой А.А., Лекторского В.А., Прокофьева А.В., Цан-Кай-Си Ф.В., Шевченко В. Проекты по изучению гуманизма действуют в ряде университетов, в том числе, в МГУ. Значительное количество статей опубликовал в последние годы журнал «Здравый смысл». К сожалению, в ряде работ теряется радикально-критический характер гуманизма, его эмансипирующий потенциал.

Что касается дилеммы сциентизм / антисциентизм, то в 60-е – 70-е годы отечественная философия пережила методологический и сциентистский бум, продемонстрировавший её значительные теоретические возможности, но он почти не коснулся социально-философской тематики. Научная рациональность в гуманистическом измерении представлена в работах Зотова А.Ф., Ильенкова Э.В., Кемерова В.Е., Крымского С.Б., Лекторского В.А., Мещериной Е.Г., Микешиной Л.А., Перцева А.В., Петренко Е.Л.,

Пивоварова Д.В., Степина В.С., Феединой Е.Н., Федотовой В.Г., Фролова И.Т., Шалютина С.М., Швырева В.С., Юдина Б.Г., Юдина Э.Г.

Вновь возрождается интерес к Марксу: периодические Марксовские чтения проводятся в Нижневартонске; опубликованы сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса «Карл Маркс и современная философия». М., 1999, работы Баллаева А.Б., Биккенина Н.Б., Бузгалина А.В., Гобозова И.А., Джохадзе Д.В., Любутина К.Н., Мысливченко А.Г., Ойзермана Т.И., Семенова В.С., традиционным стал анализ марксизма и его версий в Уральской философской школе.

Интерес к французской марксистской философской мысли также знал периоды взлета и падения. В 60-е годы начинается взаимное отчуждение, в результате чего период, когда ревизия марксизма становится очевидной, оказался недостаточно изучен в отечественной историко-философской и социально-философской науке, несмотря на ряд серьезных исследований таких авторов как Автономова Н.С., Бессонов Б.Н., Вдовина И.С., Визигин В.П., Гобозов И.А., Грецкий М.Н., Земляной С.Н., Кузнецов В.Н., Митина С.М., Момджян Х.Н., Подорога В.А., Самарская Е.А., Сахарова Т.А., Сенокосов Ю.П., Хевеши М.А. Следует отметить, что большинство оценок тенденций развития французской неомарксистской мысли носило достаточно взвешенный характер, хотя имели место работы, в которых идеологические позиции заметно превалировали над философской аргументацией, среди их авторов Бауэр И., Вислобоков А.Д., Ижицкий Л.М., Липперт Л., Попов С.Н., Савич М.Б., Садовский Н.А.

Основу данного исследования составляют работы французских неомарксистов, дающие целостное представление об основных направлениях интеллектуальной деятельности того или иного мыслителя.

Анри Лефевр. История марксизма: «La Pensée de Karl Marx», «La Pensée de Lenine»; «Les marxistes et la notion de l'état»; «Marx. Par Henry Lefebvre»; «Le marxisme»; «Sociologie de Marx»; «Dialectical matérialism»; «Les Problèmes actuels du marxisme». Изложение собственной философской

позиции в полемике с различными направлениями философской мысли: «Au-delà du structuralisme»; «La fin de l'histoire. Épilogomènes»; «La somme et le reste»; «Le manifeste différentialiste»; «Le Métaphilosophie. Prolégomènes». Исследования различных граней повседневности, её противоречий: «Introduction à la modernité»; «La vie quotidienne dans le monde moderne»; «La révolution urbaine»; «La production de l'espace»; «Position: contre les technocrates»; «Le langage et la société»; «L' Irruption de Nanterre au Sommet». На русском языке была опубликована ранняя работа Лефевра «Введение в эстетику», написанная в 1948 году.

Роже Гароди. История марксизма: «Карл Маркс»; «Ленин». Проблемы марксизма: «La Théorie materialiste de la connaissance»; «La liberté»; «Peut-on être communiste aujourd'hui?»; «Большой поворот социализма»; «Вся правда»; «За французскую модель социализма»; «Марксизм XX века». Проблемы религии: «От анафемы к диалогу»; «Défatiser l'histoire»; «Vers une querre de religion?»; «Le débat du siècle»; «Marxistes et chrétiens face à face: Peuvent-ils constituer ensemble l'avenir?» Диалог цивилизаций: «Китайская проблема»; «Pour un dialogue des civilisations: L'Occident est un Accident»; «Promesses de l'Islam»; «Intégrismes». Еще один круг своих исследований Гароди определяет как эссе, в которых «изобретается» будущий облик человечества: «Appel aux vivants»; «Проект надежды»; «Альтернатива»; «За возрождение надежды». Гуманистическая проблематика: «Грамматика свободы»; «Марксистский гуманизм»; «Comment l'homme devient human»; «Humanisme marxiste»; «Cinq essais polémiques»; «Le projet espérance»; «Perspectives de l'homme».

Также использовались автобиографические произведения, отразившие духовную эволюцию французского философа: «Исповедь человека»; «Biographie du XX -ème siècle: le testament philosophique de R.Garaudy»; «Mon tour du siècle en solitaire»; «Parole de l'homme» и исследования западных философов, посвященные творчеству Гароди: Cottier G. «Chrétiens et Marxistes. Dialogue avec R. Garaudy»; Dupleix A. «Le socialisme de R. Garaudy»

et le problème religieux»; Norris R.B. «God, Marx and Future: Dialogue with Roger Garaudy»; Perottino S. «Roger Garaudy et le marxisme du XX -ème siècle».

Люсьен Гольдман. На русском языке опубликована книга «Сокровенный бог». Большинство его работ связано с социологией литературы, исследование опирается на две из них: «Marxisme et sciences humaines» и «Recherches dialectiques».

Луи Альтюссер. Маркс и его наследие: «Sur le jeune Marx»; «Marxisme et Humanisme»; «Pour Marx»; «Reading «Capital»». Философия Ленина: «Lenin and Philosophy and other Essays»; «Lenine devant Hegel». Период самокритики: «Positions»; «Essays in Self-Criticism»; «Reply to John Lewis».

Анализ философских идей Альтюссера привлек значительный круг исследователей. Мы использовали оценку его творчества такими авторами как Benton T., Callinicos A., Geerlandt P., Get A., Glucksmann M., O'Neill John, Elliott G.; Poster M., Smith S., Schaff A. Широко привлекались теоретические и полемические статьи, опубликованные в 60-е – 70-е годы во французских философских журналах «Cahiers du communisme», «La nouvelle critique», « La Pensée».

Изучение указанных источников позволяет резюмировать:

- во-первых, французский неомарксизм в отечественной литературе рассматривался, в основном, в отдельных авторских концепциях. Целостное, полное и систематическое феноменологическое исследование пока отсутствует;

- во-вторых, это касается и сравнительного анализа сквозных для неомарксизма проблем;

- в-третьих, необходимо преодолеть идеологизированное отношение к неомарксизму, сформировавшееся в 70-80-е годы.

- в-четвертых, значительный круг работ философов-неомарксистов, исследований их творчества в западноевропейской философии не был востребован для характеристики неомарксизма.

Этими моментами определяются цели и задачи исследования.

Цель исследования: анализ статуса французского неомарксизма, его соотнесенности как с марксизмом, так и гуманистической парадигмой в целом, взаимодействия концепций неомарксистского толка между собой, влияние на них состояния философской мысли 60-х – 70-х годов XX века.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Вписать неомарксизм в соответствующий пространственно-временной континуум, поместить его в интеллектуальный контекст, наполненный сосуществующими параллельно с ним версиями марксистского наследия и версиями, бросающими вызовы марксистским концепциям.

2. Рассмотреть ревизионистские проекты в рамках неомарксизма, отдавая приоритет вопросам содержания. Выявить философские и методологические основания и последствия «ухода» от марксизма, определить в каждом конкретном случае соотношение ревизии и преемственности, теоретической и политической составляющей ревизионизма.

3. Раскрыть те компоненты неомарксистских построений Лефевра и Гароди, которые смогли стать противовесом сциентистскому и догматическому подходам.

4. Проанализировать работы Альтюссера в связи с состоянием европейской философской мысли, ассоциированной с идеями Г. Башляра, З. Фрейда, Л. Гольдмана, М. Фуко и Ж. Лакана. Обозначить обстоятельства, в силу которых его вклад в марксистскую традицию оказался неомарксистским.

5. Определить системообразующие признаки, которые при всем концептуальном разнообразии позволяют видеть в неомарксизме не конгломерат идей, а самостоятельное и самодостаточное направление в истории французской философской мысли второй половины XX века.

6. Оценить присущий различным персонифицированным версиям неомарксизма эвристический потенциал, способный уточнить место

неомарксизма и марксизма XX века в истории философской мысли, в духовной культуре европейского общества.

Методология исследования основывается на единстве историко-философского, феноменологического и герменевтического методов исследования, позволившем реконструировать место неомарксизма в его исторической ретроспективе и перспективе; придать анализируемым концепциям «человеческое лицо», показать их влияние на судьбы создателей; комментировать текстуально и концептуально содержание той или иной работы, доктрины в целом. Приоритет отдан вопросам содержания и истинности аргументов представителей неомарксизма, убедительности или неубедительности доводов критиков. Оценка и интерпретация осуществлялись с позиций соответствия или несоответствия марксистской теории, с которой неомарксизм связан генетически, и тем философским школам, которые становились одним из источников ревизии марксизма. В процессе выявления оппозиций внутри неомарксизма и на его границах, их взаимоисключающего и предполагающего характера используется диалектический метод.

Научная новизна результатов исследования определяется степенью решения поставленных задач и уровнем обоснования выдвинутой в нем гипотезы.

1. Прежде всего, она состоит в самой постановке проблемы: неомарксизм перестал быть объектом анализа в отечественной философской науке после обвинений в ревизионизме и ренегатстве. «Приговор» просуществовал как неподлежащий пересмотру более четверти века.

2. Систематически раскрыто содержание французского неомарксизма, он представлен как самостоятельное, целостное философское направление, определена логика его развития, причины «взлета и падения».

3. Ретроспектива позволила обнаружить то, что ускользало от оценки современников в силу незавершенности тенденций развертывания. Неомарксизм рассмотрен не только как противостояние Гароди и

Альтюссера, но более широко и философски: оппозиция сциентизма и антисциентизма, теоретического антигуманизма и гуманистической интерпретации марксизма как философии действия.

4. Преодолено идеологизированное отношение к неомарксизму, выявлено соотношение теоретической и политической ревизии в философской эволюции основных представителей французского неомарксизма.

5. В научный оборот введен ряд новых источников, среди авторов которых есть и представители неомарксизма, и его зарубежные аналитики, стоящие на марксистских и немарксистских позициях.

6. Новизна связана с актуализацией для обсуждения малоисследованных граней концепций Лефевра (теория повседневности, концепция «модернити», феномен кибернантропа); Гароди (диалог культур, его условия, концепция субъективности и трансцендентности); Гольдмана и Альтюссера (идеологические аппараты государства).

7. Философские концепции, составляющие содержание французского неомарксизма, представлены как сплав эмоционально-личностного переживания и рационально-академического познания, как поведенческое воплощение мировоззренческих установок, делающих творческое философствование индивидуально неповторимым актом.

8. Конкретизированы онтологический и аксиологический аспекты философии Лефевра. Рассмотрены предлагаемые им новая форма философской мысли – метафилософия, его концепция превышения марксизма.

9. Определены источники движения Гароди от марксизма к неомарксизму как поиска синтеза философии духа и философии практики. Дана оценка понимания им корней и сущности марксистского гуманизма.

10. Обоснован политический характер проекта Альтюссера, его теоретический антигуманизм представлен как специфически французский

вариант догматического рационализма, который игнорирует человека как субъекта истории.

11. Приведены доводы в обоснование гипотезы: способ выхода за пределы марксизма определяет дальнейшую принадлежность к гуманистической парадигме. Гуманизм как мировоззренческая доминанта предстает в качестве аксиологического антропоцентризма в гуманистических версиях французского неомарксизма, и его сфера значительно сужается в версиях сциентистских.

В связи с основной гипотезой исследования, на защиту выносятся следующие положения:

1. Возникновение неомарксизма – результат пересечения гуманистического содержания марксизма с иными философскими концепциями, как вписывающимися в парадигму гуманистического осмысления человека, так и противопоставляющими себя ей.

2. «Превышение» марксизма для Лефевра – не следствие принадлежности его философской теории к закончившемуся историческому периоду, не позитивистская или сциентистская интерпретация, оно делает возможным переход от спекулятивной философии, превращающей человека в фантом, к идее «возможного» человека.

3. Природа ревизионизма Гароди в первую очередь гносеологическая, а затем политическая. Для него пафос философии Маркса заключен в программе освобождения человека от отчуждения, в понимании будущего как эпохи позитивного гуманизма. Отдавая приоритет диалектическому разуму и принципу субъективности, Гароди сохраняет аксиологическое воодушевление марксизма. Приоритет прежний – «цельный человек», но меняются методы достижения цели.

4. Заявленный Гольдманом гуманизм как сторона и сущность оптимистической оценки перспектив социального развития не выдерживает столкновения ни с его теоретическими позициями (структурно-генетический

метод), ни с повседневной реальностью индустриального общества. Гуманизм Гольдмана обнаруживается только через негативность.

5. Теоретический антигуманизм Альтюссера как форма преодоления догматизма, структурализм как методология и, главное, разрыв между теорией и практикой оказались неадекватны целям усиления роли марксистской философии. Привлекательность идей Альтюссера вытекала, прежде всего, из слабости догматической версии марксизма, а не из предложенных им решений.

6. Гароди и Альтюссера разделило понимание не сути гуманистического идеала, но его назначения. Для Альтюссера гуманизм в марксизме только тактика, а антигуманизм – стратегия. Альтюссер объективно оказался дальше от марксизма, чем Гароди и Лефевр из-за отказа от его важнейших составляющих: теории практики и гуманистического потенциала. Сциентизм обернулся для Альтюссера ловушкой неомарксизма.

7. Марксизм несет в себе возможности развития и преодоления естественной исторической ограниченности. То, что привычно определялось как ревизионизм, есть исторически конкретная переориентация (с потерями и обретениями) идей Маркса. Выход за пределы марксизма не означает с необходимостью превращения в антимарксиста.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается в систематическом и целостном анализе французского неомарксизма в период его наибольшего подъема. Углублено и расширено представление о философских позициях А. Лефевра, Р. Гароди, Л. Гольдмана, Л. Альтюссера

Практическая значимость работы определяется той ролью, которую ее результаты могут сыграть для дальнейшего изучения современной философской мысли Франции, взаимодействия неомарксизма и еврокоммунизма, персонализма, структурализма, западного марксизма и собственно марксизма.

Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах «История и философия науки» для аспирантов и соискателей, «Философия» для студентов, в преподавании курсов по новейшей истории Франции для студентов исторических факультетов.

Апробация работы. Результаты исследования нашли отражение в статьях и материалах докладов:

- на Российских философских конгрессах: II Всероссийский философский конгресс «XXI век: будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, 1999), III Российский философский конгресс «Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2002), IV Российский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2006), V Российский философский конгресс «Философия. Наука. Общество» (Новосибирск, 2009);

- на Международном научном религиоведческом конгрессе «Религия. Человек. Общество» (Курган, 1998), международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Д. Жукоцкого (Нижевартовск, 2007);

- на Всероссийских конференциях: «Философия ценностей» (Курган, 1998), «Человек в истории: теория, методология, практика» (Челябинск, 1998), «Культура и цивилизация» (Екатеринбург, 2001), «Карл Маркс и Россия: рубежи столетий» (Нижевартовск, 2001), «Философия ценностей» (Курган, 2004), на Республиканской научной конференции «Гуманизм социальный, либеральный и религиозный: проблемы диалога» (Нижевартовск, 2005), на Марксовских чтениях (Нижевартовск, 2001, 2004), на Вторых уральских молодежных социологических чтениях (Екатеринбург, 2007) и др.

Выводы и положения диссертационной работы отражены в 32 публикациях автора.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех частей, заключения и библиографии, включающей 233

наименования, треть из них на английском и французском языках. Содержание работы изложено на 306 страницах.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, формулируется основная проблема, ставятся цели и задачи работы, характеризуются ее методологические основания, формулируются положения, выносимые на защиту, определяется научно-практическая значимость, обосновывается структура диссертационного исследования.

В **первой части диссертации «Становление неомарксизма во Франции: исторические реалии и гуманистический аспект»** определяются политические и теоретические параметры того контекста, в котором произошло становление французского неомарксизма. Анализ осуществляется на двух уровнях. С одной стороны, его предмет – особенности становления марксистской теории во Франции и влияние на неё немарксистских или близких к марксизму философских концепций, вписывающихся в гуманистическую парадигму. С другой стороны – полемика внутри ФКП, которая привела к оформлению «линии Гароди» и «линии Альтюссера», в дальнейшем вышедших за пределы марксизма.

В **первой главе «Философские параметры контекста формирования неомарксизма»** определяются политические и теоретические обстоятельства, в силу которых марксизм с трудом приживался на французской почве, и те изменения в общественно-политической ситуации, которые «пробудили многих от догматического сна».

Реакция на эти события была различна. Среди вставших на путь ревизионизма были те, кто достаточно легко разрывал отношения с марксизмом, становился его критиком. И были другие, кто рассматривал ревизию как способ обновления марксизма, его поворота к современным реалиям, возвращения к «подлинному», аутентичному марксизму. Они и стали основателями неомарксизма.

Существовали и «внутренние» причины появления неомарксизма, связанные с логикой развития марксистской и немарксистской философской традиции во Франции. Главная из них – «открытие» работ молодого Маркса. При этом обнаружилось, что читать появившиеся работы Маркса можно по-разному.

В попытках ответить на возникающие вопросы в атмосфере гуманизации философского дискурса, как в фокусе вобравшего три центральных темы: отчуждение, конец истории и открытие человека, шло становление французского неомарксизма. Первая тема впитывает в себя гуманистический контекст философии Д. Лукача, вторая – А. Кожева, третья – Ж.-П. Сартра.

В характеристике взглядов Д. Лукача основное внимание уделено предпринятому им сравнительному анализу концепций отчуждения в философии Маркса и Гегеля. Характерная для Лукача критика западного общества сквозь призму проблемы отчуждения и утверждение деятельно-активной сущности марксизма, подхваченный им гуманистический пафос философии практики не только привлекли к Лукачу внимание в период ренессанса марксизма, но и сохранили его даже в середине 70-х годов. Все представители французского неомарксизма признавали, что испытали влияние его философии.

Отношение к Гегелю во Франции в значительной степени изменилось под влиянием Александра Кожева, в самом общем виде он дал антропологическую версию гегелевской философии. Позиция Кожева, не являясь марксистской, убедительно свидетельствует о глубоком влиянии марксизма на духовную атмосферу интеллектуальных поисков в послевоенной Франции.

Третья тема гуманистической парадигмы конструируется вокруг концепции человека как субъекта, центра исторической драмы, обретающего в ней свободу и ответственность. Философские идеи Ж.-П. Сартра, его отношение к марксизму, стали ещё одним компонентом той теоретической

почвы, которая взрастила французский неомарксизм. Конвергенция марксизма и экзистенциализма стала во Франции результатом почти двадцатилетних дебатов, выявивших некоторые точки соприкосновения между этими философскими доктринами, их комплементарность.

Неомарксизм возник не только на почве марксизма, но и вобрал в себя умонастроения, характерные для других философских школ, прежде всего, вписывающихся в парадигму гуманистического осмысления судьбы человека и человечества. На базе этого синтеза, катализатором которого стала социально-политическая ситуация 60-х годов XX века, происходит становление неомарксизма во Франции. Даже те мыслители, которые как Альтюссер, в качестве отправной точки выбирали сциентистские концепции, делали это для того, чтобы определить своё отношение к гуманистической парадигме в целом.

Вторая глава «Дебаты в ФКП: гуманистическая составляющая внутрипартийной дискуссии». Дебаты о сути марксистской концепции человека или шире – о месте гуманизма в марксизме в 60-е годы стали не только фактом политической деятельности ФКП, но и явлением, привлёкшим внимание многих интеллектуалов. В связи с их анализом было выявлено: на каких философских основаниях велись дебаты; каковы были их ближайшие и перспективные цели; в чем состояли центральные темы дебатов и темы производные, постоянные и «моментные»; как эволюционировали воззрения их участников.

Объектом рассмотрения стал период с 1957 по 1973 год, который открывает книга Гароди «Марксистский гуманизм» и закрывает статья Альтюссера «Ответ Джону Льюису». Рассмотрение позиций Роже Гароди, Луи Альтюссера, Люсьена Сэва, Ролана Лероя, Мишеля Симона, Хесуса Ибаролы, Мишеля Вере, Жака Гольдберга, Жоржа Семпруна позволило выделить временные и содержательные пласты этого периода.

Теоретические цели дебатов были переплетены с целями политическими. Первые состояли в том, чтобы ввести в исторический

материализм понятие «гуманизм», определить, как менялось отношение Маркса к гуманистическим идеалам, провести демаркацию между наукой и спекулятивной идеологией. Дебаты о гуманизме затронули фундаментальные положения марксизма, способствовали совершенствованию методологии научного анализа, уточнению взаимоотношения марксизма и гуманитарных наук, позволили сформулировать ряд философских и политических выводов:

- Недооценка или игнорирование любых гуманистических теорий ошибочно. Ни в момент становления, ни в период зрелой теории марксизм не мог бы развиваться, игнорируя достижения буржуазной идеологии и науки. Марксизм во Франции невозможно представить вне таких имен как Г. Башляр, К. Леви-Стросс, М. Фуко.

- Антигуманистические концепции превращают человека в «подпорку» социальных отношений, отрицают его уникальность, отказывают ему в творческом измерении. Они создают бесконечные разрывы между теорией и практикой. Антигуманизм имеет и теоретические, и политические последствия, он изолирует пролетариат от других классов, дает повод трактовать гуманизм лишь как призыв к милосердию, состраданию. Признание гуманизма только как агитационного средства обрекает партию на тактическую изоляцию. Не существует двух типов марксизма: один для теории, другой для практики.

- Марксизм не должен допускать своей изоляции от гуманитарных наук вообще и, в особенности, от научной антропологии.

На характер дебатов повлиял тот факт, что они прошли под патронатом ФКП, существование «генеральной линии» воспринималось многими как облегчение собственной философской идентификации. Однако, остановить процесс плюрализации марксистской философской мысли было уже невозможно.

Рассмотрение теоретических предпосылок и исторических обстоятельств формирования французской версии неомарксизма позволяет утверждать:

1. Возникновение неомарксизма во Франции – следствие неизбежного пересечения гуманистического содержания марксизма с иными философскими направлениями интеллектуальной мысли, которые вписывались в парадигму гуманистического осмысления человека и человечества. Это движение друг к другу носило взаимный характер, обнаруживая не только сходство отдельных позиций, как условие дальнейшего диалога, но и их комплементарность.

2. Неомарксизм во многом формируется как попытка представителей официальной версии марксизма найти ответы на предъявляемые к ней вызовы. Это относится, прежде всего, к проблемам места теории отчуждения в учении Маркса; соотношения науки и идеологии, в том числе и в самом марксизме; теоретических источников марксизма, вопроса о том, с чьим философским наследием – Фихте, Гегеля, Фейербаха они связаны в наибольшей степени.

3. Можно понять один из выводов, осуществленного Т.А. Сахаровой «по горячим следам» обзора дискуссии, согласно которому перенесение центра тяжести в абстрактную плоскость логических дефиниций несколько снижает остроту и полезность полемики¹. Однако, именно эта проблематика сохранила наибольшую актуальность, ибо она затрагивает коренные теоретические вопросы, которые в разные исторические периоды могут быть по-разному тактически (политически) использованы.

Борьба за «чистоту» марксизма превратилась в один из факторов возникновения французского неомарксизма с его противостоящими подходами к пониманию проблемы соотношения марксизма и гуманизма: линии Гароди и линии Альтюссера. Спор их не удалось разрешить в рамках марксизма, и он был перенесен на новое философское пространство – неомарксизм.

Во второй части «Неомарксизм: гуманистическая версия» рассматриваются философские концепции Анри Лефевра и Роже Гароди,

---

¹ Сахарова Т.А. Марксизм и гуманизм // Вопросы философии. - 1966 - №8 - С. 160.

структура и содержание их связей с марксизмом, как разрушенных, так и сохраненных, причины и механизмы разрывов и преемственности.

В первой главе «Анри Лефевр: уход под крыло повседневности» предметом анализа стали исследования Лефевра в области марксистской теории, поскольку именно в них прослеживаются истоки, этапы и теоретические последствия его перехода от марксизма к неомарксизму, а также работы, в которых Лефевр обращается к рассмотрению изменений, происходящих в повседневной жизни западного общества. Выделяются основные этапы эволюции Анри Лефевра от марксизма к неомарксизму, происходившей как под влиянием внешних обстоятельств, так и в результате внутренней логики развития его философской концепции, определяются те концептуальные положения, которые не просто предполагали этот «дрейф», но и делали его неизбежным. Рассмотрено отношение Лефевра к марксизму, включая выдвинутую им теорию «превышения» марксизма, проанализировано содержание концепции повседневности и теории отчуждения в философском наследии французского мыслителя.

В первом параграфе «Теория и практика превышения марксизма» истоки политической и философской эволюции Лефевра прослеживаются по его работе «Экзистенциализм» (1946 г.), содержащей чрезвычайно резкие оценки экзистенциализма как невроза, шизофрении, порожденной столкновением с буржуазным интеллектуальным миром, изоляцией индивидов друг от друга с одной стороны, а с другой, отрывом от жизни, нечеткостью и непоследовательностью социальных позиций. Приговор Лефевра категоричен: экзистенциализм – это путь в никуда. Десять лет спустя, Лефевр вновь обратится к экзистенциализму, признав, что именно благодаря ему философия обогатилась идеями субъективности, а идеал свободы, которым человечество обязано марксизму, наполнился субъективным содержанием.

Уже в ранних работах Лефевр обнаруживает симптомы инакомыслия: у него собственное видение проблем соотношения теории и практики,

философии и политики, науки и идеологии, познания как отражения. Ревизионизм Лефевра с самого начала носил философский характер и уже как следствие приводил к соответствующим политическим выводам. Исключение из партии изменило тон и характер критики философских позиций Лефевра, лишь немногие исследователи-марксисты видели необходимость их содержательного анализа. М.Н. Грецкий, отмечая, что ревизионистские тенденции появились у Лефевра раньше, чем у Гароди, признавал, что они содержали много того, что следовало высказать¹.

Многие исследователи именно Лефевра считают патриархом французского неомарксизма. Он подвёл под свой неомарксизм онтологическую и гносеологическую базу, осуществил категориальный анализ марксистско-ленинской философии, начиная с «основного вопроса философии». В работе «Итог и остаток» Лефевр утверждает, что догматизм коренится в забвении постулативного характера материализма и идеализма. Именно догматизм питает конфликт между познавательными и политическими интересами.

В коллекции журнала «Аргументы» он публикует «Метафилософию», где рассматривает марксизм как новый тип философии и социологии, имеющий явно выраженный гуманистический характер, поскольку именно ему человеческое сознание обязано новым идеалом конкретной свободы. Лефевр дает определение метафилософии через отрицание важнейших признаков марксистской теории. Новая форма мысли – метафилософия имеет ряд особых характеристик: она должна быть антисистематична, не онтологична, не антропологична². Вместе с тем, его отрицание не абсолютно: метафилософия должна начаться с величайшего достижения Маркса – теории отчуждения.

В исследовании рассмотрены выделенные Лефевром различные критерии оценки марксизма: с точки зрения совпадения прогнозов с

---

¹ Грецкий М.Н. Марксистская философская мысль во Франции. - М., 1977. - С. 12.

² Lefebvre H. *Metaphilosophie. Prolegomenes*. - Paris, 1965. - P. 26.

результатами исторического развития; с точки зрения опровержения марксизма; с точки зрения той или иной теоретической, философской интерпретации марксизма.

Первая – сциентистская: у Маркса нет философской теории, но есть экономическая, политическая, социологическая, историческая наука или решающий вклад в эти науки. «Философские» работы – один из этапов процесса движения к «научным» трудам.

Вторая интерпретация – философская: марксизм – это качественный скачок, знаменующий одновременно возобновление и расширение философии. Маркс порывает с Гегелем не для того, чтобы «уничтожить», «упразднить» философию, но чтобы развить и обогатить её.

Третья интерпретация была реакцией на догматическую трактовку марксизма, несмотря на ярлык ревизионизма, именно она возвратила подлинную мысль Маркса.

Существует ли «чистое» знание, не смешанное ни с какой идеологией? Лефевр отвечает: «да» в пределах логики формальной. «Нет», если речь идет о конкретном реальном знании, связанном с практической деятельностью. Для раскола между философским знанием и научным знанием нет оснований. Марксизм активизирует мысль, не позволяя обманывать себя иллюзиями эпохи.

Тройное требование: мысль действенная; мысль, основанная на радикальной критике настоящего; универсальная мысль, основанная на практике, обнаруживается в проблематике марксизма. Оно требует превышения философии как таковой – таков вывод Лефевра.

Содержание **второго параграфа «Гуманистический антропоцентризм А. Лефевра»** организовано вокруг концепции отчуждения в философии Анри Лефевра. Он утверждает, что отчуждение более комплексный феномен, чем полагал Маркс. Онтология, или философия бытия, сама есть одна из форм отчуждения субъективности индивида, его деятельности, свободы, воли, сознания. В связи с этим Лефевр подвергает

реvisions фундаментальные для материалистической философии понятия «материя» и «практика».

Что касается первого из них, то Лефевр стремится отбросить его мировоззренческую и методологическую составляющие. Свой подход к пониманию практики Лефевр определяет как «гуманистический антропоцентризм». Он исходит из того, что созданная Марксом теория практики подверглась существенной деформации, она редуцируется к труду, теряя своё революционно-преобразующее, гуманистическое содержание.

Лефевр различает «практику обыденную, повседневную, и практику творческую; практику целостную, сохраняющую наличные структуры и практику революционную (частичную и общую); практику экономическую, социальную, политическую и т.д.»¹.

Ошибка Маркса, по мнению Лефевра, в рассмотрении отчуждения исключительно как явления экономического порядка; самого Лефевра более интересуют проявления феномена отчуждения в сфере политических отношений индивида.

Политическое отчуждение определяется Лефевром как отчуждение в государстве и при помощи государства. Его суть – разрушение целостности, фрагментация человека на индивидуума и гражданина. Лефевр констатирует: гражданин умирает, а вместе с ним умирает демократия. Государственная гегемония «обыденно и механически» реализовала то, что тоталитарные государства осуществляли путём грубого насилия.

Экономическое и политическое отчуждение приводят к отчуждению в сфере духовной жизни индивида. Симптомом этого является появление «кибернантропа», портрет которого Лефевр рисует в работе «Позиция: против технократов». По мнению Лефевра, кибернантроп не может пока избавиться от бывшей субъективности, он носит её шрамы, но уже не желает свободы, он заменяет радость удобством, поэзию благосостоянием, желание

---

¹ Lefebvre H. Marx. Par Henry Lefebvre. - Paris, 1969. - P. 76.

потребностями, счастье удовлетворением¹. Вместе с тем, у кибернаторов есть историческая миссия: они уничтожают существующую духовность: искусство, философию, мораль.

Единственным спасением от всепоглощающего отчуждения: экономического, бюрократического, культурного становится уход индивида под крыло повседневности. В исследовании рассматриваются этапы становления концепции повседневности, нарастание в ней расхождений с марксистской традицией. Повседневная жизнь у Лефевра вытесняет марксово «рабочее место» и фиксирует точку бифуркации, напряжения в историческом процессе, до тех пор невидимую для марксистов. Одновременно он отвергает редукционизм структурализма, его бегство от исторической реальности. Провозглашение «смерти» человека расценивается им как идеологическая легитимизация новой формы отчуждения.

Лефевр пытается переформулировать социально-историческую теорию субъекта, избегая онтологизации последнего, он видит в этом главную задачу неомарксизма. Общество определяется им не как субъект, но как ансамбль (совокупность) социальных субъектов (не без лакун) и как сеть социальных агентов (не без разрывов)².

Маркс, по мнению Лефевра, не только выработал новый тип гуманизма, но и определил основные этапы его реализации, ведущие к становлению цельного человека. Во-первых, овладение историей, чтобы люди действительно творили свою историю, обладая политическим сознанием. Во-вторых, овладение рынком, использование его законов. В-третьих, освоение мира человеком, создание человеком своей собственной сущности.

Анализ философских позиций Лефевра позволяет обосновать правомерность использования при их определении понятий «марксизм» и «неомарксизм». Диалектическая методология познания определила

---

¹ Lefebvre H. Position: contre les technocrates. - Paris, 1967.

² Lefebvre H. Position: contre les technocrates. - Paris, 1967. - P. 100.

ревизионизм Анри Лефевра, она же обусловила характер «превышения» марксизма: в его позиции нет политической и идеологической ожесточенности.

1. Лефевр высоко оценивает теорию Маркса, которая по своему масштабу сравнима скорее с религией, чем с философией, она вошла в политическую практику, культуру, породив множество течений и направлений, различных ее интерпретаций. Превышение марксизма возможно не в форме логического отрицания, но в возобновлении на более высоком уровне, через критику реального мира философией и критику философии реальным миром.

2. Метод изучения теоретического наследия Маркса сам должен быть диалектическим, исключая и абсолютную последовательность, и абсолютную прерывность.

3. Проблема субъективности – центральная для возрождения подлинного марксизма. Гуманистическая составляющая антропологической философии марксизма, нецененная, невостребованная его ортодоксальными сторонниками, подтолкнула Лефевра к ревизионизму, к поиску «истинного марксизма», к неомарксизму.

4. Лефевра сближает с марксизмом иерархия ценностей в философском освоении мира. Представляется, что именно попытка разорвать онтологический и аксиологический аспекты марксизма стала основой неомарксизма Лефевра, он «не услышал» того философско-антропологического мотива, который проходит через все творчество Маркса.

5. Справедливость неомарксистской атрибуции позиции Лефевра весьма отчетливо прослеживается при анализе его теории повседневности, корни которой и немарксистские (Гуссерль), и западнемарксистские (Лукач), и собственно марксистские.

6. Для Лефевра марксизм – утопия, но для него утопия – это феномен сознания, ставящего своей целью преобразование существующей действительности на основе диалектики возможного и невозможного.

7. Лефевр, несомненно, вышел за пределы марксизма, но при этом он остался в рамках той же гуманистической парадигмы общественной мысли, к которой принадлежал и марксизм. Философия Лефевра ориентируется на антропологический принцип не только в себе, но и вне себя, в самой модели мира, это позволяет определить его неомарксизм как гуманистическую философскую антропологию.

Во второй главе части II **«Роже Гароди: аксиологическое воодушевление марксизма»** выявлены этапы и источники движения Гароди от марксизма к неомарксизму, для каждого из них определена степень соответствия марксизму, дан ответ на вопрос: совершалось ли развитие философских воззрений вопреки марксизму, в результате интеллектуального сопротивления ему, или, напротив, в его границах и традициях. Рассмотрена социально-философская концепция Гароди 1980-90-х годов, осмысливающая новые реалии, прослежено, насколько далеко простираются принципы гуманистической парадигмы, принятой им сначала в марксистском, а затем в неомарксистском варианте.

Первый параграф «Гносеологические основания живого марксизма» содержит характеристику интеллектуальной биографии Гароди, позволяющей раскрыть социально-духовные истоки его философского кредо «удерживать оба конца цепи», позволившего перейти от простого монизма к теоретическому синтезу развитых альтернатив: философии духа и философии практики; а также его книг «Грамматика свободы», одновременно философской и политизированной, «Ленин», и «Марксизм XX века». Преодолевая догматизм сталинской версии марксизма, Гароди переходит не на позиции марксизма-ленинизма, а на позиции философии Маркса до марксизма. В дальнейшем внутренним импульсом философской эволюции становятся причины философского, методологического характера.

Преодоление догматизма Гароди начинает с пересмотра гносеологических позиций, следуя двум принципам. Во-первых, он отдает предпочтение диалектическому разуму, отличающемуся от разума

традиционного рационализма тем, что это разум в состоянии становления. Во-вторых, это принцип субъективности, признание того, что догматический рационализм, низведя сознание до познания, отнял у себя одно из измерений – субъективность.

На основе этих двух принципов и осуществляет Гароди свой синтез: марксизм не является философией бытия, отождествляющей сознание и познание. Марксизм – это философия действия, делающая из сознания и человеческой практики подлинную реальность, постоянно преодолевающую данное и непрерывно дополняющую действительность творческим актом.

Восстановить «живую мысль Маркса» означает для Гароди, во-первых, очистить ее от всех разновидностей «переосмысливания», делающих марксизм не программой и средством переделки мира, а просто еще одной интерпретацией мира в числе прочих, а сам мир при этом оставался бы и впредь таким, как он есть. Стремясь дополнить марксизм идеями субъективности и трансцендентности, Гароди обращается к фихтеанским корням марксизма. В диссертационной работе показано, что оценка фихтеанства, ракурс его анализа менялись в творчестве Гароди.

Предприняв доказательство органичности для марксизма проблемы субъективности, возможности диалога с экзистенциализмом, Гароди делает теоретический шаг, подтверждающий его постепенный переход на позиции неомарксизма: он обращается к концепции трансцендентности. Гароди считает, что ее недооценка в марксистской философии связана, в том числе, и с историческими условиями становления марксизма, которые привели к вполне закономерному акценту на объективные моменты исторической реальности и социальной борьбы.

Гароди рассматривает три облика, которые принимает трансцендентность. Прежде всего, это разрыв с детерминизмом: человек всегда нечто большее, чем совокупность породивших его условий, чем его биологическая наследственность и социальная обусловленность. Вторая ее

ипостась обнаруживается в критическом разуме субъекта. Третье значение трансцендентности – возможность свободного творения будущего.

Во втором параграфе «Гуманизм как вызов отчуждению» представлен осуществленный Гароди экскурс в историю становления гуманизма как моральной, правовой, политической ценности, с одной стороны, подтверждающий принадлежность марксизма к гуманистической парадигме, а с другой, выявляющий конъюнктурный, идеологический характер использования этого понятия. Эссе о гуманизме выглядит достаточно традиционно, если не разглядеть в нем обоснование важнейшей для Гароди задачи: синтеза двух альтернатив – философии духа и исторической инициативы.

Гароди дает характеристику греческого гуманизма, анализирует гуманистическую сущность христианства, доказывая, что эти традиции, выступая решительно друг против друга, породили два основных требования гуманизма: требование разумного руководства мира и требование исторической, собственно человеческой инициативы.

Удержать оба конца разорванного бытия Возрождению не удалось: эпоха Возрождения делает человека духовным индивидом, но этот индивидуализм будет развит вплоть до самой полной его атомизации. Ни Декарту, ни Лейбницу, по мнению Гароди, не удалось преодолеть этого дуализма. Гароди рассматривает попытки синтеза, предпринятые Фихте, Кантом и Гегелем. Обращаясь к Марксу, Гароди находит подтверждение единства теоретического и практического гуманизма его философии в концепции отчуждения.

В диссертации прослеживается эволюция взглядов Гароди по поводу проблемы отчуждения, начиная с работы «Марксистский гуманизм» показано, как меняются представления о причинах и источниках отчуждения, перспективах его преодоления. В анализе отчуждения Гароди демонстрирует свою приверженность марксизму, но понимание последнего как методологии исторической инициативы существенно меняет акценты анализа. Постепенно

отходит на второй план вопрос о социально-классовой природе отчуждения, особое внимание уделяется технологическому отчуждению, лишаящему человека инициативы и индивидуальности.

Ревизионизм Гароди представляет собой, с одной стороны, форму критики и самокритики в его творческом методе, с другой, он содержал и идеологический компонент: требование единства философии и политики оценивается им как тоталитарная и клерикальная доктрина.

Гароди, исключённый из ФКП, отнюдь не меняет своей оценки марксизма как части гуманистической философской парадигмы, находя этому и теоретические, и политические подтверждения.

1. Маркс совершил подлинно «коперниковскую революцию в философии» поместив в центр мироздания человека и его борьбу. Гуманизм Маркса, делает вывод Гароди, носит всеобщий и воинствующий характер.

2. Из теоретического гуманизма Маркса вытекает его практический гуманизм. Его концепция «человеческой натуры» является материалистической, она не индивидуалистична, не метафизична, а диалектична и исторична.

3. Марксистский гуманизм основан на диалектическом взаимодействии возможного и реального. По мнению Гароди, это делает гуманизм научным, критическим, революционным и воинствующим: он становится не только идеалом, но и программой действий.

4. Социалистический проект Маркса состоит в том, чтобы вернуть каждому человеку возможность быть человеком, то есть выбирать свои цели. Данный проект может наталкиваться на препятствия, в связи с этим в диссертации рассмотрена работа Гароди «Китайская проблема». Он не отвергает китайскую модель социализма в принципе, исходя из того, что общая концепция социализма предполагает различные методы его созидания. Более того, в культурной революции он увидел попытку преодоления буржуазного идеала потребительского общества. Однако, Гароди выступает против того, чтобы смешивать коммунизм с уравнилительной мечтой

крестьянской голи. «Самопожертвование человека – это высшее и трудное условие построения будущего, но не его конечная цель», – пишет Роже Гароди¹.

Заключительный параграф главы – «Гуманистическая составляющая диалога». Переход на позиции неомарксизма сопровождался обоснованием необходимости диалога между сторонниками различных философских позиций. Отправной точкой диалога становится монография «Перспективы человека», представляющая собой панораму важнейших социально-философских течений XX века. Рамки диалога ещё более расширяются в очерке о марксизме XX века, где Гароди подводит итоги того, что может получить от участия в нём марксизм для своего творческого развития. Особое место в творчестве Гароди занимает его диалог с теологами. В связи с этим рассмотрена характеристика марксистского атеизма, которую дает Гароди. Он утверждает, что атеизм Маркса не метафизический, а методологический: Маркс не противопоставляет атеистический постулат религиозному, для него и тот и другой лежат вне пределов научной проблематики. Наука не ставит метафизические проблемы атеизма, ибо это не научные проблемы. Аналогично относится Гароди и к так называемым научным аргументам христианской апологетики. Главный спор, по его мнению, должен быть не в плоскости науки, а в плане моральном. Вера, как и атеизм, не является ни концепцией мира, ни категорией знания, но категорией потребности, это акт, решение. Историческая заслуга христианства состоит в том, что оно заменило философию бытия философией действия, которая руководствуется не понятием «логоса», а понятием «сотворения»².

Диалог убеждает Гароди, что марксистский атеизм по своей базовой идее принадлежит к той же, что и христианство, культурной традиции, к ценностной системе веры, надежды и любви. При всем расхождении

---

¹ Гароди Р. Китайская проблема. - М., 1968. - С. 151.

² Гароди Р. Марксизм XX века. - М., 1994. - С. 101.

религиозно-христианского и научно-социалистического видения мира, эти две глобальные философские идеи могут объединиться во имя выживания человечества.

Диалог с теологами стал подтверждением окончательного выхода Гароди за пределы марксизма, его новая позиция отвечает всем признакам неомарксизма. Он почти не ссылается на Маркса, не демонстрирует классового подхода, разрывает онтологические и, тем более, гносеологические «узы», но аксиологическая доминанта марксизма – гуманизм по-прежнему определяет характер его философских исканий.

На этих новых позициях обращение Гароди к исламу строится как цивилизационный диалог, содержание которого рассматривается на основе анализа книг Гароди «Мой бег по веку в одиночку» и «Величие и упадок ислама». Диалог цивилизаций для Гароди имеет своей целью выработку проекта новой модели цивилизации. Проект не создать вне поэтического и пророческого воображения, неизбежно принимающего форму утопии прометеевской или мессианской в зависимости от того, осуществление это потенций человека или же обещаний Бога.

Анализ философского пути, пройденного Роже Гароди, позволил сделать следующие выводы:

- формирование философской концепции Гароди происходило не вопреки марксизму, через интеллектуальное сопротивление ему, а благодаря возвращению к нему и уже затем выходу за его пределы;
- специфика теоретического движения к Марксу до марксизма состояла в том, что он начался с пересмотра гносеологических позиций, анализа проблемы субъект-объектных отношений в творчестве Маркса, Фихте, Сартра, Альтюссера;
- развитие социально-философских воззрений Гароди подтверждает представление о марксизме как открытой теоретической системе, способной к диалогу;

– выход за пределы марксизма не означает неизбежного превращения в антимарксиста и антикоммуниста. Проект будущего Гароди и социальное пророчество Маркса объединяет гуманистическая ориентация и критика основополагающих ценностей техногенной цивилизации;

И Гароди, и Лефевр сделали первый шаг за пределы марксизма под влиянием изменившихся политических и идеологических обстоятельств. Но в духовной эволюции Лефевра большую роль сыграла внутренняя логика развития его философских позиций, что касается Гароди, то изменение его взглядов происходит под влиянием побуждающего к самокритике диалога, который Гароди был готов вести на территории своих идеологических противников. Во многом благодаря своему «марксистскому прошлому» Гароди и Лефевр, решая одну из ключевых для философии XX века дилемм: сциентизм / антисциентизм, делают выбор в пользу последнего.

Третью часть диссертационного исследования «Капитуляция гуманизма перед лицом социальных структур» предваряет краткий экскурс в историю постановки проблемы человека в структурализме с целью последующей атрибуции философского статуса Гольдмана и Альтюссера: остались ли они неомарксистами или это был лишь промежуточный этап на пути окончательного перехода к структурализму.

Первая глава «Пессимизм структурно-генетической социологии Люсьена Гольдмана» раскрывает специфику перехода Гольдмана на позиции неомарксизма. Он никогда не был правоверным марксистом, не состоял в ФКП, в отличие от Лефевра, не знал периода «незрелого» марксизма ранних работ. Тем не менее, Гольдман считал себя марксистом, вписывал свой метод генетического структурализма в рамки марксизма, не скрывая, что воспринял марксизм, в первую очередь, в интерпретации Г. Лукача.

Гольдман разделяет распространённое в западном марксизме мнение о том, что Маркс занимался скорее непосредственными проблемами человеческого действия, в то время как Лукач развивал собственно

философскую часть марксизма. Тем не менее, он признает, что марксизм – самая действенная оппозиция сциентизму и позитивизму в философии и «варварству» в экономике и политике, видя его главное достоинство в диалектическом мировосприятии.

Подобно Гароди, Гольдман предпринимает попытку «удержать оба конца одной цепи»: жизнь человеческая не может быть познана извне, независимо от непосредственной практики и ценностных суждений, но это знание должно иметь такой же строгий характер, как и знания, достигаемые в физике, химии и других точных науках. «Поэтому, – пишет он, – ... мы, с одной стороны, отвергаем сциентизм и в то же время превозносим позитивную историю и социологию, науку о человеческой жизни, противопоставляя её эссеистике и абстрактным спекуляциям»¹.

Поиск путей решения поставленной задачи, достижения намеченной цели оказался оплачен ценой маргинальности теоретических позиций. На стыке различных концепций, в пограничных областях философских теорий, безусловно, могут находиться точки появления оригинальных методологий философского анализа. Но маргинальность не должна быть постоянным спутником философской позиции, она должна быть «снята» в процессе её становления, иначе последняя обретает эклектический характер.

Что касается Гольдмана, то он намеренно сближает разнородные, даже противоречащие друг другу концепции: марксизм и структурализм, марксизм и психоаналитические теории, марксизм и франкфуртскую школу, наконец, марксизм и экзистенциализм, что обнаруживается в рассмотренных в исследовании философских основаниях структурно-генетического анализа.

Свой метод Гольдман представляет как антитезу рационализму и эмпиризму, противопоставляя им диалектический метод, для которого не существует достоверных точек отсчёта и окончательно решённых проблем.

Опираясь на наследие Гегеля, Маркса, Лукача, Гольдман формулирует диалектическую концепцию социальной жизни: индивид не

---

¹ Гольдман Л. Сокровенный бог. - М., 2001. - С. 8.

является изолированным атомом, противостоящим другим Я. Коллективное сознание существует только в индивидуальных, это общая направленность мыслей, чувств, чаяний членов группы, порожденная экономической и социальной ситуацией.

Сходство концепции Гольдмана с марксизмом поверхностно и во многом ограничивается использованием общей терминологии социально-философского анализа. Конечно, Гольдман выглядит как марксист в глазах неомарксистов, когда говорит о классах, классовом сознании, экономическом базисе как важнейшем для их понимания. В то же время, вряд ли правомерно упрощать его позицию, отождествлять её с вульгарным социологизмом.

При характеристике взглядов Гольдмана использована работа «Диалектические исследования», в которой он обращается к рассмотрению проблемы отчуждения, опираясь при этом на концепцию фетишизма, представленную в «Капитале». Гольдман понимает отчуждение как общую черту повседневной жизни, но если для Маркса оно встроено в структуру капиталистического способа производства и как таковое существует объективно, то для Гольдмана это, прежде всего, проблема человеческой психологии, явление, пограничное с патологией. Диагноз, который Гольдман ставит индустриальному обществу, – не просто бесчеловечность, но разрушение субъекта, безличность всех социальных структур, анонимность отношений, человек разрушается не только в глазах других, но и в своих собственных.

Заявленный Гольдманом гуманизм не выдерживает столкновения ни с его теоретической позицией, ни с повседневной реальностью индустриального общества. Позиция Гольдмана, по сути, пессимистична, это касается и перспектив развития духовного мира, и динамики социальных структур. Истинно революционного, гуманистического героя нет ни в искусстве, ни в социальной действительности.

Марксистская терминология, достаточно широко используемая Гольдманом, лишь подтверждает неомарксистскую природу его социально-

философских идей, и, как бы он не стремился вписаться в гуманистическую парадигму, и реальность, и структурализм как метод выводят его за её пределы. Гуманизм его негативен, а не позитивен, утопичен, а не прагматичен и деятелен.

Теоретические позиции Гольдмана оцениваются в исследовании как типичные для неомарксизма структуралистского толка. Эта типичность задана эклектичностью самого фундамента концепции: Гегель, Маркс и Лукач; сближением экзистенциализма и марксизма, наконец, типичен интерес к проблемам культуры, стремление диагностировать духовное состояние общества.

Неомарксизм Гольдмана оказался скорее правого, чем левого толка. Если в творчестве Гольдмана структурализм и реальность, которую он стремился репрезентовать и объяснить с помощью своего структурно-генетического метода, разрушили исповедуемый им гуманистический постулат, то Луи Альтюссер от этого постулата отказывается вполне сознательно, делая этот отказ философским кредо своей позиции.

Вторая глава «Теоретический антигуманизм Л. Альтюссера» имеет целью проследить генезис его идей, объективную логику их развития, включая период «самокритики»; реконструировать проект реконцептуализации и репериодизации марксизма, акцентируя в нем проблемы соотношения науки, философии, идеологии и марксистской теории; выявить, насколько Альтюссеру удалось достичь конвергенции между антигуманизмом структурализма и собственными марксистскими позициями, в какой мере выбранная им форма оппозиции – теоретический антигуманизм оказалась адекватной задаче сохранения и усиления марксистской теории; понять через взлет и падение Альтюссера некоторые особенности сегодняшнего статуса марксизма.

В первом параграфе **«Возвращение к Марксу: репериодизация и реконцептуализация»** отмечается, что в качестве главных идеологических противников Альтюссер выделяет субъективистские, в частности,

экзистенциалистские, персоналистские, феноменологические интерпретации марксизма. Вступая в борьбу с ними, он ищет опору в работах французских эпистемологов-неорационалистов, с одной стороны, и в структурализме как философской доктрине, с другой. В диссертации представлены концепции, вошедшие в методологический аппарат Альтюссера: замещение, сверхдетерминация, симптомное чтение, эпистемологический разрыв.

Переход Альтюссера на позиции неомарксизма был трагичен и в личном, и в научном плане. Его книги пронизаны исключительным пиететом по отношению к Марксу, но страстность и категоричность в защите марксизма, с одной стороны, и логика симптомного чтения с другой, увели Альтюссера от классического марксизма.

В работе «За Маркса» он пытается продемонстрировать одновременный концептуальный и эпистемологический разрыв между ранними работами (1840-1844гг.) и собственно марксизмом (1845-1883гг.); «перелить» исторический материализм в свете этого разрыва в неэкономическую, антигуманистическую и антиисторическую форму. Альтюссер стремится обосновать три неразрывно связанных для него тезиса: исторический материализм и теоретический гуманизм были концептуально несовместимы; исторический материализм появился через разрыв с теоретическим гуманизмом; эта мутация в проблематике означала эпистемологический разрыв, который отделил науку и философию от всех теоретических и философских форм идеологии.

Предложенная Альтюссером периодизация творчества Маркса всесторонне представлена в исследовании, отмечены те ее положения, которые могут стать объектом критики: по сути дела, речь идет о двойном разрыве – рождении новой науки и новой философии; выступая против догматизма, Альтюссер сам догматически воспринимает все то, что появилось после разрыва; тот факт, что Маркс остается диалектиком на всех этапах, подрывает альтюссеровскую трактовку отношения Маркса к

гегелевскому теоретическому наследию; оказывается, можно расчистить почву и стартовать вновь без пересмотра своего собственного генезиса.

Критика, реконструкция, защита – таково назначение другой ключевой работы Альтюссера «Читать «Капитал». Альтюссер вступает в борьбу за признание научной природы марксизма под знаменем антиэмпиризма, его задача – обосновать относительную автономию теории от практики, тем самым, подтвердив право марксистской теории не быть заложницей тактических политических решений. Термин антиэмпиризм используется им вне точного определения. Его «анти» может означать и антисенсуализм и антиаприоризм. Термин «эмпиризм» используется Альтюссером не в традиционном философском значении – как антитеза рационализму, но служит только криптонимом концепций, приписывающих теории пассивную роль в познании. Эмпиризм предстает у Альтюссера как идеологизированная философия, освобождение от которой свидетельствует о «разрыве» между молодым и зрелым Марксом. Эмпиризм выступает в таком случае как идеология, которая смешивает теоретические объекты с реальными, игнорируя различие между теорией и практикой.

В исследовании делается вывод о наличии противоречия между эпистемологическим проектом Альтюссера и средствами его реализации. От обоснования научного характера марксизма Альтюссер переходит к размежеванию его с идеологией. У Альтюссера десятки определений идеологии, они носят и дескриптивный, и негативный и позитивный характер. Тем не менее, за всем калейдоскопом подходов можно выявить основное кредо Альтюссера: идеология – это не когнитивное отношение к миру, не совокупность ошибочных суждений, это способ, которым индивиды «проживают» своё отношение к условиям собственного существования. Несмотря на то, что оппозиция идеологии и науки является центральной в альтюссеровской концепции, он признаёт невозможность их дихотомии: осмеянная идеология – такой же миф, как и «чистая» наука.

Предприняв обоснование положения: марксизм – наука, а не идеология, Альтюссер выдвигает свой самый эпатажный тезис: марксизм – это теоретический антигуманизм, поскольку гуманизм есть идеология.

Данная концепция Альтюссера анализируется во **втором параграфе «Изгнание субъекта из марксистской теории»**. Этому предшествует выяснение обстоятельств, которые определили в 60-е годы интерес к проблемам гуманизма.

Ради «спасения» марксизма от гуманистической дискредитации Альтюссер меняет союзников, добиваясь конвергенции между антигуманизмом структурализма и собственными марксистскими воззрениями. Антигуманизм и антиисторицизм – основополагающие принципы концепции Альтюссера. Структурализм нужен Альтюссеру, чтобы показать, что главное в марксизме не человек, не человеческая активность, которую можно сделать интеллигибельной через феноменологическое описание актов сознания, но структуры, от этого сознания не зависящие. То, что структурализм открывает и переоткрывает – бытие бессубъектное.

В диссертации рассмотрены выделенные Альтюссером две стадии становления в марксизме идеологии гуманизма. Альтюссер, в соответствии с предложенной им периодизацией марксизма, полагает, что «Немецкая идеология» была самоочищением от гуманизма, и в этом смысле его критикой. Маркс уходит от эмпиризма, от категории субъекта, от историцизма. Он изгоняет их из политической экономии, из истории (отвергая социальный атомизм и этико-политический идеализм), из этики (отвергая этические идеи Канта), а также из своей собственной философии. Разрыв Маркса с философской антропологией не в частных деталях, речь идёт о научном открытии¹.

Определив отношение теории и гуманизма, Маркс, по мнению Альтюссера, вовсе не отказывается от гуманизма в идеологии, теоретический

---

¹ Althusser L. For Marx. - London, 1969. - P. 227-228.

антигуманизм не подавляет ничего в историческом существовании гуманизма.

В статье «Марксизм и гуманизм» Альтюссер признаёт возможность существования различных форм гуманизма, видя в этом одно из подтверждений его идеологической природы. Альтюссер прозорливо видит, как можно использовать гуманистическую риторику и проблематику для манипуляции массовым сознанием. Он отмечает, что нередко за стремлением подчеркнуть гуманистический характер марксизма стоит поиск возможных союзников, по крайней мере, желание перекинуть к ним мост.

Прав Альтюссер ещё в одном аспекте: Маркс не идентифицирует субъекта истории с некой абстрактной человеческой сущностью, характерной для фейербаховской концепции, которую он преодолевает в период «Немецкой идеологии» и «Тезисов о Фейербахе». Тем не менее, в доказательствах марксистского антигуманизма много теоретических неточностей. Альтюссер не замечает, что философско-антропологический мотив проходит через всё творчество Маркса. Философия Маркса «замыкается на экзистенциальных проблемах, решение которых базируется на практически обоснованных принципе материальности и принципе развития. Они выведены из анализа взаимодействия субъекта и объекта, целеполагающей и целереализующей деятельности», – пишет К.Н. Любутин¹.

Структурализм Альтюссера – не только инструмент интерпретации марксизма, но и бастион, воздвигаемый им на пути экзистенциального понимания субъекта, в первую очередь, Сартром. Если Гароди пытается «пройти» между Сартром и Альтюссером, удерживая «оба конца цепи», то Альтюссер пытается «вырвать» этот конец из рук Сартра. В то время как у Сартра слишком много истории, у Леви-Стросса, Фуко, Альтюссера – совсем нет истории, вчера объект и структура были растворены в субъекте, сегодня субъект и сознание дотла сгорели в объекте.

---

¹ Любутин К.Н. О философии Маркса // Вестник РФО. - 2007. - №2. - С. 115.

Альтюссеровское изгнание субъекта из марксистской теории адекватно не марксизму, а его собственной неомарксистской позиции, сформировавшейся не без влияния структурализма. Ценой доказательства того, что марксизм – наука, стал отказ от гуманизма. Цена эта оказалась слишком велика: она вывела Альтюссера за пределы марксизма. Хотя его неомарксизм нередко атрибутировали как структуралистский, структурализм не стал для него окончательной гаванью, что определило внутреннюю противоречивость его философских позиций.

Трудности альтюссеровского марксизма вытекают не столько из склонности к структурализму или теоретическому антигуманизму, а из его бифуркации между практикой с одной стороны, и целями науки, с другой. Истоки отмеченных противоречий, прежде всего, укоренены в гносеологических позициях Альтюссера. Он считает теоретический антигуманизм непременным условием научного познания.

Завершается параграф рассмотрением периода самокритики и ревизии в творчестве Альтюссера, теоретическим источником служат работы «Ответ Джону Льюису» и «Элементы самокритики». Если в ранних работах философская революция, осуществленная Марксом, сводилась к эпистемологическому разрыву, то постепенно выстраивается новая схема редукции эпистемологического разрыва к философской революции. В ранних работах Альтюссер энергично отрицал социальный генезис марксизма, защищая эпистемологическую проблематику, но в работах 70-х годов он более диалектичен. Меняется и отношение Альтюссера к Гегелю.

В то время как Роже Гароди, выходя за пределы марксизма, склоняется к идее диалога, компромисса, его интересуют, в первую очередь, глобальные проблемы; Альтюссер все больше ищет выхода на классовую борьбу, прежде всего, в идеологической сфере: можно получить политическую власть без всякого насилия над государственной машиной, только овладев её идеологическими аппаратами. Для Гароди, освобождающегося от партийного

диктата, наступает время теоретической политики, а для Альтюссера идеологической борьбы.

Альтюссеровский неомарксизм правомерно рассматривать как отражение и порождение эпохи доминирования бюрократической, административной рациональности, когда инструменты идеологического манипулирования становятся все незаметнее и эффективнее.

В части IV «Гароди и Альтюссер: упущенные возможности диалога» выявляется, насколько бескомпромиссным было противостояние сциентизма и гуманизма во французском неомарксизме, не остались ли нереализованными возможные шаги навстречу друг другу. Поставленные ими цели по сути дела совпадали: обновление марксизма, очищение его от груза догматизма, восстановление его популярности в широких кругах интеллектуалов. Однако, избранные средства были коренным образом отличны.

Гароди, взяв за основу субъективность, обращается к работам молодого Маркса, ищет истоки его учения в философии Фихте, Альтюссер видит иного, зрелого Маркса времени «Капитала», анализирующего структуру общества.

Различие между позициями Гароди и Альтюссера не в том, кто из них «более» марксист или раньше перестал им быть. Гуманистическое кредо, очевидный антисциентизм позволяют Гароди уже за пределами марксизма осуществить анализ тенденций развития человечества последней трети XX века, исходя из возможности и необходимости диалога культур.

Что касается Альтюссера, то отстаиваемый им теоретический антигуманизм оказался во многом несовместим с пониманием истории как процесса, поскольку субъекты превратились лишь в подпорку комплексных структур. Все это сузило доступное ему поле научного анализа. Отношение к гуманистической парадигме и определяет первоначально различие позиций, а затем и несовпадение философских судеб Роже Гароди и Луи Альтюссера.

Гароди и Альтюссера разделило, прежде всего, понимание не сути гуманистического идеала, но его назначения, а отсюда соотношения марксизма и гуманизма, что определило взаимный полемический тон. В диссертации обосновывается, что Гароди не был «врагом» структурализма: структурный анализ позволил придать гуманитарным наукам статус, равный статусу наук естественных. Он согласен с Альтюссером, что данный способ исследования был не чужд Марксу, и что доказательства этого можно найти в «К критике политической экономии» и в «Тезисах о Фейербахе». Структурализм – один из методов исследования, что не исключает других, в том числе перехода от структуры к человеческой деятельности, которая и порождает данную структуру. Сам Гароди выбирает другой путь: соединить субъективность с историческим материализмом, пройдя при этом по узкой грани между двумя крайностями «антиисторическим» экзистенциализмом и «антигуманным» структурализмом.

Более, нежели структуралистские основания концепции Альтюссера, Гароди не одобряет его теории эпистемологического разрыва, которая продуцирует ряд серьезных теоретических и идеологических последствий. По мнению Гароди, искажается роль Фихте в становлении марксизма; происходит изгнание субъекта из марксизма. Гароди обвиняет Альтюссера в навязывании Марксу радикального метафизического разрыва, не свойственного его научной мысли, поскольку Маркс мыслил не в терминах разрыва, а диалектически, в терминах инверсии и вбирания. Наконец, Гароди и Альтюссер по-разному трактуют место категорий теории и практики в марксизме.

Если Гароди признает эвристические возможности структурализма, то и Альтюссер не чужд гуманистическим идеям. Обоснование этого тезиса осуществляется им в работе «Идеология и идеологические аппараты государства», в котором рассматривается роль идеологии в современном западном обществе.

Подобно Роже Гароди, Альтюссер заявляет о своем намерении «удержать оба конца цепи». Но если для первого – это материальное и духовное, то для второго – те же самые, в конечном счете, противоположности «переливаются» в иные понятийные формы: базис и надстройка. Как следствие, Гароди выходит на проблему субъективности, а Альтюссер – идеологии.

В связи с этим рассматривается критика Альтюссером «топографической метафоры марксизма», которая через понятия базиса и надстройки пытается концептуализировать отношения между экономическими и различными неэкономическими практиками. Базис – суперструктурные отношения, заявляет Альтюссер, есть исключительно образный, дескриптивный подход, который нуждается в серьезном теоретическом развитии.

Это развитие Альтюссер осуществляет в концепции идеологических аппаратов государства, которые «индивида превращают в свободного субъекта для того, чтобы он свободно подчинился приказаниям Абсолютного Субъекта. Субъекты существуют только в силу подчинения и для подчинения. Вот почему они маршируют сами по себе»¹.

В исследовании отмечены как достоинства, так и недостатки данной концепции.

Тем не менее, Альтюссер нарисовал картину индустриального общества: тоталитарно-технологический универсум через рафинированные технологии контроля, дающие человеку иллюзию свободы, способен сдерживать любое качественное изменение. Социологическая теория становится у Альтюссера отражением конвергенции процессов распространения технической рациональности и упрочения бюрократических отношений индустриального общества.

В диссертации предлагается ответ на вопросы: насколько Альтюссер – антигуманист, что для него «гуманизм», какое содержание он вкладывает в

---

¹ Althusser L. Positions (1964-1975). - Paris, 1976. - P. 121.

это понятие? Альтюссер обозначает термином гуманизм тенденцию, которая выводит тезис о необходимости социальных изменений из спекулятивной идеи сущности человека, то есть, вкладывает в него иное значение, чем то, которое имеет место в марксистской теории. Следовательно, антигуманизм Альтюссера не есть антитеза марксистского гуманизма.

Достоинство концепции Альтюссера в том, что он привлёк внимание к разработке марксизма как «фундаментальной теории» в тот момент, когда ряды сторонников такого подхода значительно поредели, а марксистская парадигма подверглась серьёзным вызовам, на которые необходимо было ответить. Альтюссер уверен, что ответы можно найти у Маркса, но его нужно **читать**. Столкнувшись с ключевой философской альтернативой XX века: сциентизм / антисциентизм, читающий и почитающий Маркса Альтюссер делает ставку на сциентизм, разделяет валютативный и познавательный аспекты марксизма, принося первый в жертву второму.

Альтюссер, ограничивая социальную теорию анализом наличных социальных структур, исключая из неё человеческое бытие и идеологию, оказывается ближе не к марксизму, а к позитивизму. Появление такой формы неомарксизма есть реакция не столько на марксизм, сколько на экзистенциализм.

Неомарксизм, либо в соответствии с намерениями его представителей, либо вопреки им, оказался более или менее полно принадлежащим к гуманистической парадигме. Степень «полноты» определялась способом перехода от марксизма к неомарксизму, соотношением философского и политического ревизионизма.

В **Заключении** обобщены основные результаты проведенного исследования, обозначены перспективы дальнейшего рассмотрения поставленных проблем. Положения, выносимые на защиту и сформулированные в виде гипотетических суждений, в ходе диссертационного исследования были доказаны, что дало основание для следующих выводов:

1. Французский неомарксизм представляет собой оригинальное философское направление, имеющее общие цементирующие признаки, что не исключает существования в нем двух основных течений. Его возникновение – результат пересечения гуманистического содержания марксизма с иными философскими концепциями, как вписывающимися в парадигму гуманистического осмысления человека, так и противопоставляющими себя ей. В этом процессе обнаруживается различие, сходство и комплементарность взаимодействующих позиций. Ревизия носила, в первую очередь, форму научной критики и модернизации, и во вторую – партийно-политической борьбы, хотя у каждого из представителей неомарксизма их соотношение было различно.

2. «Превышение» марксизма для Лефевра – не следствие принадлежности его философской теории к закончившемуся историческому периоду, не позитивистская или сциентистская интерпретация, оно делает возможным переход от спекулятивной философии, превращающей человека в фантом, к идее «возможного» человека. Это позволяет определить его неомарксизм как гуманистическую философскую антропологию. Ревизионизм Лефевра носил онтологический характер.

3. Природа ревизионизма Гароди, в первую очередь, гносеологическая, а затем политическая. Приоритет прежний – «цельный человек», но меняются методы достижения цели. Гароди предпринимает гуманистическую, антропологическую интерпретацию марксизма, видя в нем не философию бытия, но философию действия.

4. Сближение со структурализмом привело к тому, что гуманизм Гольдмана оказался негативен, а не позитивен, утопичен, а не деятелен, и хотя он имеет некоторые точки соприкосновения с гуманистической парадигмой, суть его маргинальна. Марксистская терминология, достаточно широко используемая Гольдманом, лишь подтверждает неомарксистскую природу его социально-философских идей.

5. Теоретический антигуманизм Альтюссера как форма преодоления догматизма, структурализм как методология и, главное, разрыв между теорией и практикой оказались неадекватны целям усиления роли марксистской философии. Привлекательность идей Альтюссера вытекала во многом из слабости догматической версии марксизма, а не из предложенных им решений. Альтюссер, объясняющий исторический процесс как трансформацию одной комбинации структур в другую без участия субъекта, не является структуралистом в чистом виде: оппозиция проходит не по линии марксизм – структурализм, а сциентизм – антисциентизм.

6. Гароди и Альтюссера разделило не понимание сути гуманистического идеала, но его назначения. Для Альтюссера гуманизм в марксизме только тактика, а антигуманизм – стратегия. Альтюссер, действующий внутри марксистской традиции, объективно оказался дальше от нее, чем Гароди и Лефевр из-за отказа от ее важнейших составляющих: теории практики и гуманистического потенциала. Сциентизм обернулся для Альтюссера ловушкой неомарксизма.

7. Марксизм несет в себе возможности развития и преодоления естественной исторической ограниченности, позволяющие создавать новые условия для мысли и действия. То, что привычно определялось как ревизионизм, есть исторически конкретная переориентация (с потерями и обретениями) идей Маркса. Выход за пределы марксизма не означает с необходимостью превращения в антимарксиста.

Эти выводы могут служить обоснованием выдвинутого в ходе исследования тезиса: способ выхода за пределы марксизма определяет возможность дальнейшей принадлежности к гуманистической парадигме и тем самым косвенно подтверждается изначальная принадлежность к ней марксизма.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Шихардин Н.В. Валюативная и рефлексивная парадигмы марксизма: версия Роже Гароди // Философия и общество. – 2007. – №3. – С. 169-181.
2. Шихардин Н.В. Вкус жизни без отчуждения: май 1968 года сквозь призму гуманистической парадигмы французского неомарксизма // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – №48. – Серия 3. «Общественные науки». – Вып. 2. – С. 200-215.
3. Шихардин Н.В. Концепция отчуждения в философском наследии Анри Лефевра // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 12. – С. 139-143.
4. Шихардин Н.В. Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия «Философия». – 2008. – Т. 6. – Вып. 3. – С. 166-171.
5. Шихардин Н.В. Концепция повседневности в неомарксистской концепции А. Лефевра // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. – № 1. – Серия 7. «Философия. Социология и социальные технологии». – С. 16-19.
6. Шихардин Н.В. Литература как предмет анализа во французском неомарксизме // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 11. – Серия «Философия. Социология. Культурология». – Вып. 11. – С. 148-154.
7. Шихардин Н.В. Луи Альтюссер: критика, реконструкция и защита марксизма // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – №. 1. – Гуманитарная серия. – С. 11-17.
8. Шихардин Н.В. Ислам в философской концепции и судьбе Роже Гароди // Вестник Московского государственного областного

университета. – Серия «Философские науки». – 2009. – № 2. – С. 180-186.

9. Шихардин Н.В. Гуманистическая интерпретация марксизма: выбор Анри Лефевра // Известия Уральского государственного университета. 2009. №1/2. – Серия 3. «Общественные науки». – С. 194-199.

Монографии:

10. Шихардин Н.В. Гуманистическая парадигма во французском неомарксизме: pro et contra: Монография. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2006. – 118 с.
11. Шихардин Н.В. От анафемы к диалогу. Гуманистический проект Роже Гароди: Монография. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2007. – 110 с.
12. Шихардин Н.В. Французский неомарксизм: противостояние гуманизма и сциентизма: Монография. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2009. – 132 с.

Статьи:

13. Шихардин Н.В. Диалогический подход к изучению истории // Новые идеи в философии: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 5. – Пермь, 1996. – С. 173-175.
14. Шихардин Н.В. Диалог как способ теоретического отношения к историко-философскому наследию // Человек в истории: теория, методология, практика: Тезисы докладов Российской научной конференции. – Ч. 1 – Челябинск, 1998. – С. 31-33.
15. Шихардин Н.В. Плюрализм как принцип «современного гуманизма» Р. Гароди // Религия. Человек. Общество: Тезисы сообщений Международного научного религиоведческого конгресса. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1998. – С. 119-121.

16. Шихардин Н.В. «Фихтеанский момент» эволюции философской концепции Роже Гароди // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса. В 4-х т. – Т. 4: Философия духовности, образования, религии. – Ч. 1. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – С. 69-70.
17. Шихардин Н.В. Роже Гароди: от анафемы к диалогу // Проблемы свободы совести, веротерпимости и преодоления религиозного и этноконфессионального экстремизма: Сб. науч. тр. – Курган, 2000. – С. 150-154.
18. Шихардин Н.В. «Проект надежды» в философии Роже Гароди // Культура и цивилизация: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2001. – С. 163-167.
19. Шихардин Н.В. Российские версии марксизма в философии Роже Гароди // Маркс и Россия: рубежи столетий: Сб. науч. тр. – Екатеринбург Изд-во Уральского государственного университета, 2002. – С. 196-198.
20. Шихардин Н.В. Глобализация гегемонизма и её альтернатива // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса. В 3 т. – Т. 3. – Ростов н / Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – С. 222-223.
21. Шихардин Н.В. Глобализация как фактор формирования новой парадигмы в социологии: взаимодействие или воздействие? // Система ценностей человека как социокультурная реальность: Сб. науч. тр. – Курган: Изд-во КГУ, 2002. – С. 87-99.
22. Шихардин Н.В. Глобализация нетерпимости и её альтернативы // Толерантность в культуре, этнических и межконфессиональных отношениях. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 3 декабря 2002 г.). – Курган, 2003. – С. 230-234.
23. Шихардин Н.В. Ж. Бодрийар: ценностная составляющая глобализации (тезисы) Философия ценностей: Материалы Российской конференции

- (Курган, 15-16 апреля 2004г.). – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2004. – Вып. 2. – С. 239-242.
24. Шихардин Н.В. Роже Гароди о методологическом характере марксистского атеизма // Проблемы социального гуманизма: история и современность. Четвертые Марксовские чтения. – Нижневартовск: НЭМИ ТюмГУ, 2004. – С. 288-294.
25. Шихардин Н.В. Теория отчуждения в зеркале двойной эволюции // Проблемы социального гуманизма: история и современность. Четвертые Марксовские чтения. – Нижневартовск: НЭМИ ТюмГУ, 2004. – С. 294-298.
26. Шихардин Н.В. Антигуманный гуманизм в философии Л. Альтюссера // Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: В 5 т. – Т. 5. – М.: Современные тетради, – 2005. – С. 179.
27. Шихардин Н.В. Роже Гароди: валюативная и рефлексивная парадигмы марксизма // Система ценностей человека как социокультурная реальность: Сборник научных трудов. – Вып. 2. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С. 231-240.
28. Шихардин Н.В. Л. Альтюссер и Р. Гароди: где пересекаются параллельные линии? // Сборник материалов Республиканской научной конференции «Гуманизм социальный, либеральный и религиозный: проблемы диалога» (Нижневартовск, 17 ноября 2005 г.). – Нижневартовск: НЭПИ ТюмГУ, 2006. – С. 232-235.
29. Шихардин Н.В. Диалог марксизма и христианства: гуманистический проект Роже Гароди // Здравый смысл. – 2006 / 07. – № 1. – С. 48-54.
30. Шихардин Н.В. Май 1968 года: конфликт поколений или бунт против отчуждения? // политическая коммуникация и идеологическая социализация молодежи в контексте властных отношений / Вторые уральские молодежные социологические чтения: Всероссийская научная конференция. Сб. науч. статей. – Екатеринбург: УРАГС, 2007. – С. 60-65.

31. Шихардин Н.В. Кибернатор versus субъективность: позиция А. Лефевра // Воля к диалогу: проблемы современного гуманизма: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Д. Жукоцкого. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. Ун-та, 2007. – С. 274-279.
32. Шихардин Н.В. Анри Лефевр: от марксизма к неомарксизму // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. – Т. II. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 54-55.